

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St.-Petersbourg.

Tome XV.
(1911 - 1912).

St.-Petersbourg, 1912.

Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи.

I.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 12 января 1911 г.).

Происхождение хайскихъ словъ: e-*gkîp* небо, e-*gkaš* жемъзо, *arî-aš* серебро, *hagiw* сто¹⁾.

Н. Я. Марра.

Напечатанныя уже замѣтки мои объ яфетическихъ элементахъ въ языкахъ Арменіи хайскомъ и армянскомъ для удобства цитать въ дальнѣйшемъ перечисляю съ указаніемъ ихъ сокращенныхъ заглавій:

1) *О ближайшемъ средствѣ* = *Къ вопросу о ближайшемъ средствѣ армянскаго языка съ иверскимъ [тубал-кайнскими языками]* („Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.“, т. XIX, 1910, стр. 069—072).

2) *Ķ* = *Яфетическій Ķ въ армянскомъ языкѣ* („Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.“, т. XIX, 1910, стр. 0154—0159).

3) *Mag* = *Яфетическое происхождение армянскаго слова magareu пророкъ* („Изв. Имп. Акад. Н.“ 1909, стр. 1153—1158).

4) *-te* = *Два яфетическихкія суффикса -te (-ti > -t) въ грамматикѣ древне-армянскаго (хайскаго) языка* („Изв. Имп. Акад. Н.“ 1910, стр. 1245—1250).

5) *Verap* = *Яфетическое происхождение хайскаго *ւերաք* verap ротъ* („Изв. Имп. Акад. Н.“ 1910, стр. 1491—1494).

Съ 4-й замѣтки вводится мною терминъ хайскій для обозначенія языка древней христіанской письменности армянъ, т. н. грабара.

1) Транскрипція хайскихъ словъ всегда графическая, если не оговариваюсь, иначе напр. *ւրհ-իժ* мы читали бы уеґкаџ (архаично: уеґкаџэ), а транскрипція армянскихъ словъ—фонетическая, и тогда лат. е имѣетъ значеніе русскаго э.

Еще О. Schrader писалъ: «Das armenische Wort für Eisen *erkath* [erkaθ] nach der Analogie von *artsath* [artaθ] «Silber» gebildet, ist wie der armen. Name des Goldes und Kupfers aus kaukasischen Sprachen (georgisch *rkina*, *kina*, «Eisen», lasisch *erkina* „Eisen“, *rkina* „Messer“ *Asia polyglotta*¹, pp. 113, 122) eingedrungen“¹).

Не только „жѣлѣзо“, „золото“ и „мѣдь“, но и „серебро“ и другія названія металловъ въ армянскомъ, гесп. хайскомъ языкѣ идутъ изъ одного и того же индоевропейскаго источника²).

Постольку мысль, лежащая въ основѣ положенія О. Schrader'а, близка къ истинѣ, но отъ его формулировки вѣдетъ такую же добрую стариную, какъ отъ *Asia Polyglotta*, труда многозаслуженнаго Клапрота. Въ связи съ этимъ приведенное мнѣніе по существу, въ фактическомъ отношеніи, также требуетъ значительныхъ поправокъ.

Прежде всего, „кавказскій“ въ качествѣ лингвистическаго термина въ настоящее время можно оставить развѣ въ примѣненіи къ неопредѣлившимся языкамъ племенъ, заселяющихъ Кавказъ, что же касается родственныхъ съ семитическими яфетическими языковъ, къ которымъ относятся грузинскій (картвльскій), сванскій, мингрельскій (иверскій), чанскій (лазскій) и т. п., то какъ ни исконы на Кавказѣ народы, говорящіе на нихъ, все таки они пришли или передвинулись съ юга: до появленія индоевропейцевъ районъ ихъ распространенія на югѣ граничилъ съ семитическимъ міромъ въ Месопотаміи. Нарождается уже вопросъ, не проникали ли яфетиды южнѣе и въ какой степени? Слѣдовательно, выясненіемъ ихъ вліянія на языкъ Арменіи,—будетъ ли онъ армянскій, или хайскій,—подтверждается обыкновенно переживаніе мѣстныхъ же лингвистическихъ матеріаловъ: о позднѣйшемъ „вторженіи“ въ качествѣ заимствованія изъ „кавказскихъ“ языковъ, расположенныхъ на сѣверѣ Арменіи, рѣчь можетъ быть только въ строго опредѣленныхъ случаяхъ, при условіи точнаго указанія на позднѣйшія, явно сродныя формы тѣхъ же яфетическихъ словъ и на ближайшую къ армянамъ яфетическую среду, напр., грузинскую или мингрельскую и чанскую.

1) *Sprachvergleichung und Urgeschichte*, Jena. 1890, стр. 294; см. его же *Grundzüge einer Kultur- und Völkergeschichte Alteuropas* въ *Reallexikon der indogermanischen Altertums-kunde*, Strassburg. 1901, стр. 177. Тоже мнѣніе высказывается О. Schrader'омъ въ *Die Metalle* (*Sprachvergleichung und Urgeschichte*, Jena. 1906, II Th., 1. Abschnitt, стр. 77), но здѣсь къ «кавказскому» источнику возводится и серебро, при томъ въ отношеніи и золота, и серебра дѣлается оговорка «можетъ быть».

2) Къ этому склонился впоследствии и самъ О. Schrader (*Die Metalle*, стр. 49 сл.).

О. Schradegер сѣбѣшить указать на груз. слово *rkina*, геср. *kina* *жельзо*¹⁾, но прежде, чѣмъ пользоваться имъ въ научныхъ сужденіяхъ, слѣдовало бы знать, какова исторія этого слова. Это элементарное требованіе легко нарушается, увы, даже серьезными учеными, когда дѣло касается грузинскаго и армянскаго.

1. Карг. ᲛᲟᲗᲗ *rkín-a* (< *rkin-a*²⁾), или ᲛᲟᲗᲗ *kin-a* (< **hkin-a*) яфетическаго происхожденія и означаетъ *жельзо*. Въ чанскомъ указываются формы ᲛᲟᲗᲗ *kin-a* *ножъ*, ᲛᲟᲗᲗᲗᲗ *e-rkina* *жельзо*, и хотя намъ не удалось подтвердить существованіе этихъ термновъ въ чанскомъ³⁾, но есть вѣроятіе, что они существовали въ немъ⁴⁾.

Мы хотѣли бы только оговориться, что *rkín-a*, *e-rkin-a* и *kin-a* (< **hkin-a*) мало или вовсе не дифференцированы въ отношеніи огласовки или въ отношеніи корня, т. е. согласныхъ, и потому, надо думать, во всѣхъ ихъ имѣемъ слова одного и того же яфетическаго языка, получившія распространеніе въ различныхъ яфетическихъ языкахъ путемъ заимствованія: это не суть разновидности, возникшія съ самаго начала въ различныхъ яфетическихъ языкахъ. Слѣдуетъ еще предупредить, что въ Имеретин ᲛᲟᲗᲗ *kin-a* въ народной рѣчи означаетъ не только *жельзо*, но и *всякое орудіе изъ жельза*, особенно *топоръ*. Оба вида — *rkín-a* и *kin-a* (**hkin-a*) — представляютъ форму *ktil* отъ трехслогнаго корня *rkin* < **hkin*. Чередуваніе плавнаго *r*⁵⁾ не только съ *h*, но вообще съ спирантомъ *h* или *ε*, болѣе того — и съ сибилантомъ *s* или *ш* — одно изъ основныхъ явленій въ яфетической фонетикѣ. Къ чередуванію плавнаго *r* съ сибилантомъ *ш* мы сейчасъ вернемся (см. пункты 3 и 4): оно настолько распространено, что и въ отношеніи корней *rkin* < **hkin* могъ бы быть поставленъ вопросъ, не восходятъ ли они оба, независимо другъ отъ друга, къ прототипу **skn* || **škŋ*, при чемъ въ *rkin* имѣемъ позднѣйшій видъ, получившійся отъ чередуванія *r* съ сибилантомъ, а въ **hkin* имѣемъ другой видъ, получившійся отъ перебоя *s* въ *h*, геср. *ш* въ *ε*? Но въ данный моментъ этотъ вопросъ имѣеть лишь теоретическое значеніе. И въ томъ, и другомъ случаѣ видъ *rkin* есть ре-

1) Неточностей въ приведенныхъ Schradegеромъ чанскихъ эквивалентахъ здѣсь не касаюсь.

2) Формы съ *k* я не отмѣчаю звѣздочкою, такъ какъ этотъ яфетическій звукъ и въ данномъ словѣ прекрасно слышится въ устахъ грузинъ, не подвергшихся въ произношеніи сильному европейскому, въ частности русскому вліянію.

3) Н. Марръ, *Гр. чан. яз.*, с. в. I. Кишидзе приводитъ слово ᲛᲟᲗᲗ *kina*, но исключительно въ значеніи *женны* (*Дополнит. свѣд. о чанскомъ языкѣ*, с. в.).

4) см. ниже, стр. 142.

5) Діалектически, т. е. въ различныхъ яфетическихъ языкахъ этотъ плавный мѣняется, вмѣсто чередующагося *r* въ такихъ случаяхъ появляется *l* или *n*.

зультатъ позднѣйшаго чередованія г съ ш || s или ε || h; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ сравнительно съ gkп видъ *hкп — болѣе древнѣй. Для занимающей насъ въ настоящей замѣткѣ стороны дѣла практическое значеніе имѣеть то, что яфетическій корень *hкп (> gkп) не стоитъ одиноко: это корень, если не обще-позитическій со включеніемъ хамитическаго, то во всякомъ случаѣ обще-яфетическо-семитическій. По законамъ сравнительной яфетическо-семитической фонетики яфетическому k въ случаѣ перебоя соответствуетъ въ семитической группѣ его точный перебойный эквивалентъ t, который и сохранился въ видѣ различныхъ его дифференцированныхъ эквивалентовъ, именно «s» и т. п., въ нашей транскрипціи t, resp. t = **ص**, s = **س** и т. п.; первый коренной въ семитической группѣ представлень чаще съ подъемомъ h (ح) въ ĩ (ح); третій коренной (n) въ семитической группѣ сохранился безъ измѣненія¹⁾; наконецъ, огласовочная форма и для семитическихъ эквивалентовъ закономѣрная, т. е. katil (resp. kätıl) при яфет. ktıl (resp. kätıl). Такимъ образомъ, семитическіе эквиваленты яфетическаго *hкп-а (т. е. груз. kkin-а или kin-а *жельзо*) по различнымъ языкамъ звучатъ: евр. כְּסֵיפֶיךָ *топоръ*, арб. خضین id., эо. **ᚱᚱ.ᚷ**: *жельзо, мечъ, жельзное орудіе*, асс. «haššinu», сир. **ܕܢܝܚܐ** *топоръ*²⁾. Въ однихъ семитическихъ языкахъ слово появляется съ женскимъ окончаніемъ, какъ въ яфетическомъ эквивалентѣ на -а, въ другихъ семитическихъ языкахъ окончаніе мужское, но во всѣхъ — форма причастія страд. залога, и слово, по всей вѣроятности, первоначально означало „кованный“ или „предметъ кованія“. Въ пользу такого основного значенія говорить и стоящее въ связи съ яфет. корнемъ hкп названіе яфетическаго народа **קַנְז** (*Быт.* 4, 22) **қауз**, обратившееся въ часть названія патриарха эпонимнаго происхожденія: оно еще въ Библии толкуется *ковачемъ жельза*³⁾;

1) При яфетическомъ n въ качествѣ третьяго коренного мы могли бы ожидать сем. k (y), какъ, напр., яфет. smn||sem. ^{smk}/_{smk}: карі. **ܟܪܝܢܐ** *слышать, служба*, И-я пор. **izmina** *ош слышалъ*, арб. **سَمِعَ**, евр. **שָׁמַע** и т. п.

2) Противъ греческаго происхожденія слова, выставленнаго Levy (ἄξίον), см. Fried. Delitzsch, *Prolegomena*, стр. 147,1, см. также Gracnel, *Die Aromäischen Fremdwörter im Arabischen*, стр. 87. Последнее семитическое слово съ подъемомъ «h» въ k мы имѣемъ въ качествѣ заимствованія изъ семитическаго въ хабскомъ, гдѣ оно звучитъ **قاسفك** *кадін топоръ*. Hübschmann замѣчаетъ по поводу этого заимствованія, что «Atm. k nur hier für sug. x», очевидно, не предполагая, что въ армяно-хайскихъ заимствованіяхъ изъ сем. языковъ надо различать книжныя и устныя, въ числѣ же послѣднихъ не исключаются и ассирийскія слова черезъ до-арійскихъ обитателей Арменіи (ср. Hübschmann, ц. с., стр. 308,ss).

3) Собственно въ Библии Тубал-Канитъ «ковачъ всѣхъ орудій изъ мѣди и жельза», но о „Тубал“ рѣчь будетъ особо въ связи съ вопросомъ объ яфетическомъ происхожденіи **ყუფიძე** **q'upid** [*hphil-end || spil-end] *мѣдь*, груз. **პილ-ენდი** **pil-end-i** (напр. III Ц. 7, 38 по Ошкскому списку, такъ называемому Авоонскому, Библии) и **სპილ-ენდი** **spil-end-i** id. и т. п.

съ точнымъ перебоемъ к въ † этотъ этнической терминъ, какъ не разъ указывалось, сохранился до нашихъ дней въ грузинскомъ названіи лазовъ ჯიზი ჭან-ი (<ჯაუნ-ი, һай. ჯიზი †ენ, архаически: ჯეუნ и т. п.).

Болѣе того, яфет. корень *hḱn, точнѣе — опять таки его истертый видъ съ потерю первого коренного h, т. е. kn, сохранился въ качествѣ заимствованія въ семитическихъ языкахъ, гдѣ, именно въ арабскомъ, принялъ видъ пустаго глагола قَانِ kāna *ковалъ*, قَانِ كَوَانِ kawn *ковачъ*, пройдя къ арабамъ, вѣроятно, черезъ сѣверныхъ семитовъ: ср. صُنَّكَ ^y *ковачъ, желѣзныхъ дѣлъ мастеръ*. Однако, это заимствованіе въ семитическихъ языкахъ изъ яфетическихъ, повидимому, болѣе позднее и можетъ восходить не къ глаголу, а къ имени, въ частности къ этническому названію „ковача предметовъ изъ желѣза“, словомъ, арабскій глаголъ можетъ быть деноминативнымъ, какъ это обыкновенно и толкуется. Но есть другое, болѣе древней эпохи соотвѣтствіе, если не заимствованіе, того же корня изъ яфетическихъ языковъ, у семитовъ, въ этотъ разъ въ еврейскомъ: оно воспроизводитъ яфетическій корень въ полномъ составѣ трехъ коренныхъ, т. е. съ сохраненіемъ первого коренного h въ видѣ чередующагося съ нимъ г, но въ качествѣ 3-го коренного это слово въ соотвѣтствіи яфетическому n проявляетъ k (y), т. е. всплываетъ такое звуковое соотвѣтствіе, какое наблюдается между родственными, но не заимствованными, яфетическими и семитическими эквивалентами, когда при сем. K появляется яфет. n на третьемъ мѣстѣ вродѣ цитованнаго выше яфет. smn || сем. $\frac{smk}{smk}$ *слышать*. Мы имѣемъ въ виду терминъ שָׁרָרָה *небесная твердь*, правильно производимый отъ корня שָׁרָרָה, означающаго „бить, топтать, растягивать битьемъ“, а въ пор. Рі: „бить молотомъ, ковать“, поскольку небо представлялось не только какъ „нѣчто расплющенное“ или „расширенное“, а какъ „битое“ или „кованое желѣзо“¹⁾. Любопытно то, что һайскій языкъ въ ка-

1) У армянъ, напр. въ Джавахин, «могилы есть раскаленное желѣзо» (С., I, стр. 350); само слово շահիճ шавѣ, еще въ һай. означающее *могила*, на грузинскомъ (შახი შავი-ი) означаетъ *раскаленное желѣзо*. По личному сообщенію студента В. Беридзе, въ Имерети и сейчасъ въ народѣ разсказываются, что „небесный сводъ сдѣланъ изъ желѣза“. Въ грузинскомъ существуютъ интересныя для семасіологическаго развитія нашего корня выраженія: ცა შახივით ვარსკვლავებზე „небо обитало (букв. *оковалось*) звѣздами“; ცა ვარსკვლავთა ვარსკვლავებზე „небо усильно или *опралено* (букв. *оковано*) звѣздами“. Студ. I. Кишидзе указалъ на выраженіе «небо было обито (букв. *оковано*) звѣздами» у писательницы Екат. Габашвили, სურათები ჯიზი-კვის ცხვებზედკან, Тиф.-ლის. 1888, стр. 60; ცა შახივით ვარსკვლავთა ვარსკვლავებზე. Совершенно не обработанный богатый современный яфетическій фольклоръ, мы увѣрены, дастъ не мало штриховъ, являющихся пережиткомъ представленія о небѣ, какъ о понятнѣ, близкомъ къ дѣлу кованія. Не лишено интереса въ этомъ смыслѣ слѣдующее грузинское народное стихотвореніе (ჯიზი-კვის ლეკვები შახი, ა. ხანინაშვილის შახი, Тиф. 1887, стр. 145):

чувствѣ яфетическаго переживанія сохранилъ это же слово въ формѣ *ḱrḱrḱ* e-*rkin* въ значеніи *неба*¹⁾, а это — та форма, въ какой груз. *rkin*-а *жельзо*, по свидѣтельству иныхъ, сохранялось и въ чанскомъ (e-*rkin*-а) въ значеніи *жельза*. Въ чанскомъ эта форма сохраняется до нашихъ дней, при томъ въ трехъ діалектическихъ разновидностяхъ — *ḱrḱrḱ* e-*rkin*-а, *rḱrḱ* e-*kin*-а (*e-*hkin*а), *oḱrḱ* i-*kina* (*i-*hkin*а), но въ значеніи опять таки, какъ въ хайскомъ, *неба* въ составѣ названія *вторника*: *ḱrḱrḱ* e-*rkin*-а *den* *Неба*, *rḱrḱ* e-*kin*-а *id.*, *oḱrḱ* i-*kina* *id.*, *oḱrḱ* i-*kina*-*ḱ* *ch* *ikina*-*ḱ* *id.*²⁾.

Такимъ образомъ исторія груз. *rkin*-а, resp. *kin*-а *жельзо* довольно ясна на громадномъ протяженіи времени и странъ, и мы не находимъ никакого фонетическаго основанія, чтобы отождествить съ нимъ хай. *ḱrḱrḱ* e-*rka*ḱ. Schrader не могъ не замѣтить искусственности своего сближенія: потому онъ поспѣшилъ было пособить неполнотѣ случайнаго созвучія поясненіемъ, что e-*rka*ḱ „образовано по аналогіи a-*rka*ḱ *серебро*“, но этимъ онъ лишній разъ доказалъ, какъ опасно привлекать яфетическіе лексическіе матеріалы безъ ихъ историческаго освѣщенія. Что касается вышшняго созвучія, толкуемое слово можно бы еще болѣе приблизить къ a-*rka*ḱ ссылкой на діалектическую форму *arḱrḱ* a-*rka*ḱ *жельзо* (*ḱarḱrḱ* *arḱrḱ* *arḱrḱ* *arḱrḱ* *arḱrḱ*, U², XVIII, стр. 107, V, 2), но одно созвучіе, даже полное, никогда не рѣшасть дѣла.

2. хай. *arḱrḱ* a-*rka*ḱ (<*varḱ-aḱ) *серебро* и арм. (по зок. діалект.) *arḱrḱ* e-*rka*ḱ (*erḱ*-aḱ (<*vert-aḱ) *id.* родственны съ мингр. *varḱrḱ*-*il*-i (<*varḱ-*od*-i) *серебро* и карт. *verḱrḱ*-*il*-i (<*verḱ-*ad*-i) *id.* и также яфетическаго, отнюдь не индоевропейскаго происхожденія³⁾. Арм. *erḱ*-aḱ восходитъ къ *vert-aḱ, прототипу карт. *verḱ-aḱ безъ удвоенія; въ немъ, какъ въ хай. a-*rka*ḱ, начальное *v*, какъ часто, утрачено, но за то 3-ій коренной сохраненъ не только безъ удвоенія, но на первоначальной высшей ступени, тогда какъ и въ

მზებ ხად იყუ შუგ ხადრო,
ბოცა ჩუ მხალი წნობადა?
ცა ქაქდა, მაშა ერუკეუდა,
სამკელლო ექნებოდა,
შეკელა, შექქელურებო
ერთმანერთს იყვებოდა.

„Гдѣ ты, черный Бадртъ, былъ тогда,
Когда ковали мой мечъ?
Когда небо озарялось молніею, земля гудѣла,
Кузница тряслася,
Кузнецъ и сотоварищи его
Укрывались другъ за другомъ!“

1) Начальное e- въ хайскомъ можно бы объяснить желаніемъ не начинать слова съ *g*, но для него, какъ увидимъ ниже, есть другое объясненіе.

2) Н. Марръ, ц. с., в. 48а, I. Килиндзе, ц. с., в. 48а.

3) Нечего смущаться тѣмъ, что съ нашими терминами проявляютъ созвучіе въ индоевропейскихъ языкахъ, какъ въ латинскомъ и греческомъ, такъ въ арійскихъ—слова, обозначающія *серебро*; вліяніе яфетической лексики на индоевропейскую сказывается не въ одной металлургической терминологіи (ср. Schrader, *Sprachvergl. und Urgeschichte*, стр. 177 et pass., *Die Metalle*, стр. 48 сл.).

картскомъ и въ мингр. тотъ же коренной усльзъ спуститься на низшую ступень—š и џ, первый съ ð, второй съ ð. Въ то же время ясно, что най. агi-аš (< *vagt-аš) качествомъ 3-го коренного примыкаетъ къ картской группѣ, а огласовкою — къ тубал-кайнской и, слѣдовательно, не можетъ быть заимствованнымъ ни изъ пверскаго (мингрельскаго) или чанскаго (лазскаго) языка, ни изъ картскаго¹⁾.

Такимъ образомъ, въ най. *шрδωδ* агi-аš, гесп. арм. *էրծաժ* егi-аš *серебро* -аš — женское окончание, а въ *էրկաժ* е-гkаš *желто* аš входитъ въ составъ самой основы и, напротивъ, начальное е является придаткомъ-префиксомъ такимъ же, какъ е въ най. *էրկիհ* е-гkиn *небо* или въ чан. յծոծեհ е-гkиnа *желто*, *небо* (въ составѣ названія *оторника*), гесп. диал. чан. յծոծեհ е-кiна *небо* (въ составѣ названія *оторника*); болѣе того, такъ какъ въ этомъ префиксѣ съ чистымъ тубал-кайнскимъ гласнымъ характеромъ е (< *e-) чередуется і (< *i-)²), то то же чанское слово предлежитъ и въ разновидности

1) г въ основѣ этихъ словъ хотя и коренной звукъ, но онъ появился по чередованію со спирантомъ, впоследствии исчезавшимъ, почему въ груз. *серебро* гласить не только ղճճ-կո *verđ-ki* (< *verđ-ад-і), но и ղճճ-կո *verđ-ki* (< *vehđ-ад-і); послѣдняя форма исключительно употребительна въ древне-грузинской литературѣ. Терминъ отнюдь не является въ лфетическихъ языкахъ словомъ безъ рода, безъ племени: его находимъ въ грузинскомъ безъ окончанія жен. рода, но съ удвоеніемъ перваго коренного в, когда онъ начальный, въ kv (гесп. զ) — ղճճ-կո *verđ-ki* (< *verđ-і) въ значеніи *лица*. Опуская рядъ другихъ родственныхъ словъ картскихъ, мингрельскихъ и чанскихъ. Исползование одного и того же корня въ значеніи и *серебра* и *лица* семасіологически объясняется тѣмъ, что трехгласный лфетическій корень vhi > vhđ || vht > vhđ [значить, праялфетическій vhi || vht] собственно означалъ *блмзту*: праялфет. vhi || vht находится въ родствѣ съ прасем. byi || *byt, дифференцировавшимся въ различныхъ семитическихъ языкахъ такъ — евр. בַּיטַן *лицо*, сир.

ܒܝܬܢ *лицо* [съ перебоемъ і въ k], арб. بَيْضَة *лицо*, но въ араб. отъ того же корня II-й пор. بَيْعٌ значить *побылалъ, выбылалъ*, IX-я пор. [с. удвоеніемъ 3-го коренного] ابِيحٌ *абихъ*, онъ сталъ *былымъ*, суц. بِياضٌ *блмзта* и прил. ابِيحٌ *блмй*, *блмзтацй блмзною*. Такъ какъ съ пустыми глаголами въ семитической группѣ чередуются удвоенные, могъ существовать и прасем. корень *biit (|| *bit) въ значеніи *бытъ блмзъ*, и отъ него могло происходить слово *biit-аš въ значеніи *благаго, блмзтацйо предмета*, въ частности *серебра*, и оно въ арабскомъ должно было быть представлено въ видѣ *bidd-ад-ин; въ арабскомъ дѣйствительно существуетъ въ значеніи *серебра* قَدَّة *idd-ад-ин*, и если появленіе f вм. b на древне-арабской диалектической почвѣ, черезъ чередованіе b съ p, дававшимъ f (см. K. Völlers, *Volkssprache und Schriftsprache im alten Arabien*, Strassburg. 1906, стр. 25, § 5, стр. стр. 34, t) или инымъ путемъ, можетъ вызывать сомнѣніе, то придется слово признать заимствованнымъ изъ сѣверныхъ семитическихъ языковъ, напр. арамейскихъ нарѣчій. гдѣ переходъ b (2) въ ф (б) обычное явленіе. Существующее объясненіе, выдвигаемое въ видѣ *қдъ серебро* — слово, производное отъ قَتَنٌ *кромилъ*, основано на одномъ внѣшнемъ созвучіи; съ именемъ *қдъ серебро* корень *қтн* имѣетъ связь лишь во II-й породѣ, гдѣ глаголъ является деноминативнымъ.

2) Н. Марр, ц. с., § 119, ср. также чан. յծոծեհ е-зпoд-а и чан. ղճճ-կո i-зпoд-а — *сонт*, карт. სი-ზმარ-ი. Смотря по породѣ глагола, гласный характеръ префикса могъ бы мѣ-

o:obš i-kina *небо* (въ составѣ названія *сторника*). Что же касается основы -rkaš, то она, дѣйствительно, также яфетическаго происхожденія, но, чтобы узнать ея точные эквиваленты, сохранившіеся въ чистыхъ яфетическихъ языкахъ, надо помнить о чередованіи г въ хайскомъ не только съ спрантомъ h или e, но и съ сибилантомъ s или ш, въ данномъ случаѣ именно съ ш, по-сему перечислю нѣсколько случаевъ такого чередованія въ хайскомъ и армянскомъ языкахъ.

3. а. хай. $\text{ʎ} \text{z} \text{ʎ} \text{ʎ}$ lašk, } *ладкій*
хай. $\text{ʎ} \text{z} \text{ʎ} \text{ʎ}$ lešk¹⁾ }
б. чан. čaşk (< hašk, вост. čašq) хай. $\zeta \text{r} \text{r} \text{ʎ}$ herk *копаніе, ораніе земли,*
въ ат. говорѣ $\text{ʎ} \text{b} \text{s} \text{ʎ} \text{ʎ}$ o-čaşk-и *пахота*, отсюда $\zeta \text{r} \text{r} \text{ʎ} \text{ʎ}$ herk-ем
копаю, паху
с. арм. $\text{h} \text{r} \text{z} \text{m}$ kuht *сытый* зейт. $\text{h} \text{r} \text{r} \text{r}$ kurd (Аллахв. $\text{h} \text{r} \text{ʎ} \text{ʎ}$
 $\text{h} \text{r} \text{ʎ} \text{ʎ} \text{ʎ} \text{ʎ}$, стр. 139,6) *сытый*.

Очевидно, нельзя ограничивать закономерность такого чередованія случаемъ нахожденія ш передъ зубнымъ, какъ это утверждается при объясненіи аналогичнаго явленія, именно чередованія l съ ш, въ ассирійскомъ. Но столь же неосновательно было бы думать, что въ хайскомъ языкѣ г чередуется съ ш только передъ согласнымъ. Такое чередованіе г съ ш наблюдается и между гласными, и оно представляетъ существенный интересъ въ морфологій и хайскаго, и армянскаго языковъ²⁾. Но для вопроса объ $\text{r} \text{r} \text{ʎ} \text{ʎ}$ e-rkaš сейчасъ чередованіе г съ ш между гласными намъ не нужно, и я удовольствуюсь лишь однимъ словомъ, виновникомъ цѣлага ряда самыхъ дикихъ этимологій на индоевропейской почвѣ, именно —

ияться болѣе существенно, такъ вмѣсто карт. i || туб.-кайн. e, характера II-й породы, могъ бы появиться карт. a || туб. o, характеръ III-й породы, что и имѣемъ въ арм. диалектическомъ $\text{ʎ} \text{r} \text{ʎ} \text{ʎ}$ arkaš (см. выше, стр. 142) *жельзо*, хотя такіе случаи могутъ быть объяснены на почвѣ позднѣйшей армянской диалектической перегласовки.

1) ср. чан. lošk, гесп. lost., $\text{z} \text{r} \text{z} \text{r} \text{ʎ}$ lost-on-i *скользкій, ладкій*.

2) Въ туб.-кайнскихъ языкахъ, а также сванскомъ, замѣчается обратное движеніе, именно чередованіе ш съ г, причемъ ш ш въ позднѣйшихъ живыхъ говорахъ сохранился или въ видѣ его звонкой параллели—j (въ сванскомъ) или дальнѣйшаго закономернаго подъема послѣдняго звука въ $\text{z} \text{ʎ}$ (въ тубал-кайнскихъ), см. П. Марръ, *О ближайшемъ средстве*, стр. 071=3. Это обратное чередованіе ш съ г проявляется въ армянскихъ говорахъ, такъ у турскихъ армянъ даже въ словахъ, заимствованныхъ изъ турецкаго, — $\text{ʎ} \text{ʎ} \text{ʎ}$ oğda > арм. $\text{ʎ} \text{ʎ} \text{ʎ}$ ošta *средній*, $\text{ʎ} \text{ʎ} \text{ʎ}$ oğdağ > арм. $\text{ʎ} \text{ʎ} \text{ʎ}$ omtağ (Հ. Ա ճ ա ն ե ն ի, Թուրքերէնի փոխառեալ բառեր հայերէնի մէջ, стр. 371) *сотоварищъ*.

4. Нѣкогда и мнѣ казавшееся индоевропейскимъ числительное $\zeta\alpha\rho\iota\iota\rho$ hariwi ($< *hari\bar{i}$) *сто*, мок. $\text{h}\alpha\rho\iota\iota\rho$ ħariġ (съ подъемомъ h въ ħ), зейт. $\zeta\alpha\rho\iota\iota\rho$ herig (Аллахв., ц. с., стр., 163, 21 и pass.) представляеть случай такого чередованія г съ ш между гласными, восходя къ прототипу $*\text{h}\alpha\text{h}\bar{i}\text{g}$, если не тожественному, то весьма близкому къ сван. $\text{š}\alpha\text{š}$ ašig ($< \text{ašig}$) *сто*.

5. И вотъ, возвращаясь къ $\text{h}\rho\iota\iota\text{p}$ e-ġkaš *желъзо*, послѣ всего того, что было показано по части чередованія г съ ш въ хайскомъ и армянскомъ, мы можемъ утверждать, что основа -ġkaš безъ этого чередованія должна бы была звучать - $*\text{šk}\alpha\text{š}$, что опять таки находится въ тѣснѣйшей связи съ сван. корнемъ $\text{šk}\bar{d}$ *ковать*, появляющимся въ формѣ ktal: $\text{šk}\bar{d}$ въ глаголт. $\text{š}\alpha\text{š}\bar{d}$ li- $\text{šk}\bar{d}$ -i *ковать*, $\text{š}\bar{d}$ lə- $\text{šk}\bar{d}$ *окованный* и т. п.¹⁾ Въ значеніи *желъза* слово отъ этого корня въ сванскомъ не употребляется²⁾, но оно существовало безъ всякаго префикса въ видѣ $*\text{šk}\bar{d}$, что съ закономѣрнымъ перебоемъ ш въ спирантъ ç , исчезавшій по обыкновенію, дадо $\text{ç}\bar{d}$ kaš ($< \text{çkad-š}$) *топоръ*, $\text{ç}\bar{d}$ ol ($< \text{çkad-ol}$) *топорикъ*. Въ тубал-каинскихъ языкахъ та же основа $\text{šk}\bar{d}$ предлежитъ съ закономѣрнымъ подъемомъ ш въ t, такъ чан. $\text{t}\bar{d}$ kaš (ар. $\text{t}\bar{d}$ kaš) *обивать (топоръ)*, чан. $\text{t}\bar{d}$ kaš me- $\text{t}\bar{d}$ kaš -e- $\text{t}\bar{d}$ *окованный*, въ грузинскомъ съ потерєю k, какъ въ атинскомъ говорѣ западнаго чанскаго нарѣчія, — $\text{t}\bar{d}$ kaš *ѣда ковать*. Итакъ, хай. $\text{h}\rho\iota\iota\text{p}$ e-ġkaš *желъзо* собственно значить „кованіе“, resp. „предметъ кованія“, какъ и другою яфетическій терминъ груз. $\text{ç}\bar{d}$ kaš *желъзо*, съ которымъ, однако, $\text{h}\rho\iota\iota\text{p}$ e-ġkaš не приходится смѣшивать. Любопытно, что этимъ очевиднымъ яфетическимъ пережиткомъ хайскій языкъ сблжается не съ каргскимъ (грузинскимъ) и не съ чанскимъ (лазскимъ) или иверскимъ (мингрельскимъ), а съ далекимъ сванскимъ, о простомъ заимствованіи изъ котораго не можетъ быть и рѣчи.

1) Я не останавливаюсь на томъ, что въ паузѣ d какъ въ армянскомъ, такъ подъ его вліяніемъ и въ хайскомъ переходитъ въ средній звукъ š, и, слѣдовательно, -ġkaš восходитъ къ - $\text{ç}\bar{d}$ kaš, ср. $\text{š}\alpha\text{š}\bar{d}$ kaš *молнія* и $\text{š}\alpha\text{š}\bar{d}$ kaš id. и т. п. Есть основаніе утверждать, что по-хайски *желъзо* писалось $*\text{h}\rho\iota\iota\text{p}$ $\text{ç}\bar{d}$ -ġkaš (читай: $\text{ç}\bar{d}$ -ġkaš), но эту древнюю хайскую форму вытѣснила позднѣйшая — $\text{h}\rho\iota\iota\text{p}$ e-ġkaš (читай: $\text{ç}\bar{d}$ -ġkaš).

2) Его вытѣснилъ въ значеніи *желъза* $\text{b}\bar{e}\text{r}\bar{e}\bar{d}$, resp. діал. $\text{b}\bar{e}\text{r}\bar{e}\bar{d}$ $\text{b}\bar{e}\text{r}\bar{e}\bar{d}$. Но это собственно сванская форма названія *миди*, которую въ качествѣ названія *миди* въ свою очередь вытѣснило заимствованное изъ грузинскаго $\text{š}\bar{p}\bar{e}\bar{r}\bar{e}\bar{d}$ *мидъ*.